

Винтовка / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Винтовка / рассказ ВИНТОВКА

Эту винтовку Майя сняла с убитого, у стены дома. Даже не поняла сначала, наш или немец: в мостовой зияла кровавая воронка, из которой росли ноги и руки. Головы – не было. Воронка изо всех сил упиралась носками широко раскинутых сапог, крепко сжимала рукой винтовку. Не поднимаясь с земли, Майя потянула за ствол – воронка своего не отдавала. Майя потянула сильнее – чужие пальцы крючками обхватывали приклад, держали намертво. Ну, давай же! Оружие поддалось, медленно поползло к ней. Как она поняла через мгновение – вместе с чужой рукой, оставляя за собой толстый яркий след, словно краску из тюбика выдавили красную. Зажмурив глаза, один за другим скovyрнула чужие пальцы с приклада. Теперь это было ее ружье – Маузер, новенький. Залезла в ремень, поползла в дом. Когда встала ногами на низкий подоконник дворницкой и уперлась ладонями в ребра пустого оконного проема с торчащими по краям остатками стекла, грохнул первый взрыв, – ее швырнуло внутрь, прямо на жесткую тахту, застеленную пропахшими дымом и сыростью одеялами. Маузер рухнул сверху. Отлежалась немного, отдышалась. Сползла на пол, поправила медицинскую сумку на боку. Встала на четвереньки – так и пошла искать выход на лестничную клетку. Винтовка волоклась следом, отстукивая по полу.

Окна смотрели на две улицы. И подъезды выходили тоже на обе стороны. На одной улице были наши, на другой – немцы. Улочки эти были короткие – в дюжину таких вот смотрящих в обе стороны домов. А бои здесь шли долго. О таких по радио говорят – ожесточенные, затяжные.

Раненых было много – работы хватало. Сколько Майя уже вытащила? Четырнадцать? Значит, на сумке у нее кровь четырнадцати человек.

Их лица уже давно слились в одно. Обкусанные губы, из уголков

рта – ручейки слюны. В оскале – желтые зубы с серым налетом, дух перегара в лицо: «Сестричка! Сестричка-а-а!.. Ох, какая молоденькая...» Глубокие поры на лбу, черный пот струится по длинной щетине. Грязные, измазанные кровью, эти люди были еще и невероятно тяжелы. Майя волокла их с линии огня, как упрямый муравей тащит длинные тростинки. Иногда приходилось останавливаться, обползать тело и подталкивать сзади, упираясь в землю, а через завалы даже перекачивать, как бревно. Кто был в сознании, пытался помочь, но от этого становилось только тяжелее. «За шею меня держи! – командовала она строго и отворачивалась от резкого спиртового запаха (ох уж эти сто грамм фронтовых!). – Слышь, крепче!» В ней было сорок восемь кило – это до фронта. Здесь, наверное, похудела.

Троих убило осколками прямо на ней, пятеро умерли позже, в полевом госпитале, остальные выжили. Она не любила встречаться с ними потом. Она их вообще не любила. Зачем вытаскивала? А сказал же как-то замполит: «Человек на войне должен быть – как винтовка. Надо – стреляет. Не надо – ждет, когда надо будет». Надо было – вот она и вытаскивала.

Сейчас она ползла за пятнадцатым. Вчера наши взяли было дом, но не смогли удержать, отступили обратно за улицу. На чердаке оставалось несколько раненых – их надо было принести, пока немцы опять не заняли дом.

Второй взрыв застал Майю на лестнице первого этажа. Она успела прыгнуть и уткнуться лицом в большое и теплое еще тело, лежавшее навзничь на ступенях. Уперлась лбом в мягкий китель, просунула под него руки, приподняла, укрылась телом, как щитом. Если опять начнется обстрел – от осколков или шальной пули защитит. Тело не возражало. От него шел вкусный запах табака и одеколona. Подумалось: фриц, слишком вкусно пахнет. Полежала пару минут, выползла. Оказалось – точно, немец. Офицер. Винтовки при нем не было. Поползла дальше.

Взбираясь по лестнице, потеряла счет времени. Сколько же этажей в этом чертовом доме?! Когда ползла к нему, казалось, что пять. И вот который пролет остается позади – а лестница не кончается. Ох уж этот пятнадцатый – куда забрался!.. Майя встретила еще несколько тел – пару наших, пару немцев. Лежали

вповалку, словно обнявшись. Дрались, что ли? Послушала всех – мертвы. А вот интересно: если бы какой-нибудь немец оказался живым – потащила бы она его на себе? Или оставила бы умирать здесь, на ступенях? И поползла бы прочь, за таким же потным и грязным, но своим? А фриц смотрел бы ей вслед умоляющими глазами и шептал на своем шершавом немецком языке: «Сестричка... Сестричка-а-а...» Неужели смогла бы оставить?.. А может, его нужно было бы пристрелить? Не бросать же врага живым? Смогла бы? Майя не знала. Она еще никогда не убивала – прицелившись, по-настоящему. Стрелять – приходилось: на курсах медсестер две обоймы выпустила, целых десять патронов. А вот убивать – нет. Третий взрыв был последним. Наступило затишье. Майя ползла вверх, считая подбородком ступени. Слышала собственное дыхание в гулком колодце подъезда: вдох-выдох... вдох-выдох... Маузер отбивал такт: тук... тук...

Все-таки женщине труднее ползти по ступеням, чем мужчине, – грудь мешает. Хоть и маленькая. Приходится каждый раз аккуратно класть ее на ступеньку, как на полочку. А почему маленькая? Вон как старлей пялится, даром что раненый. И не только старлей. В госпитале она несколько раз замечала, как идущие на поправку солдаты смотрели на нее: кто – потечески, с нежностью, а кто – по-особенному, эдак... Да, пора привыкать к особенным взглядам – недавно ей исполнилось восемнадцать.

Длинная автоматная очередь вспорола тишину. Schneller! Kommt, kommt! Dahin! – раздался внизу громкий решительный голос, и подъезд наполнился рассыпчатым то-потом кованых сапог. Майя метнулась вверх, к лестничной клетке. Es gibt da jemanden! Aufwärts! – приказал все тот же голос, и сапоги гулко побежали вверх по лестнице. Прострекотала еще одна очередь. По мне, мелькнуло в голове.

Стараясь бесшумно ступать на цыпочках (кирзачей на ее тридцать пятый размер не было, пришлось взять сороковой), Майя толкнула плечом первую дверь – заперта! Вторую – заперта! Третью, последнюю, – открыта! Скользнула внутрь, в темноту квартиры. Дверь прикрывала осторожно, но та все же легонько скрипнула. Услышали? Начала метаться руками по двери, нащупывая задвижку.

Вот! Вот она! Стала запирать: раздался громкий щелчок. Черт! Черт! Грохот сапог приближался.

Одной рукой обнимая винтовку, второй Майя ощупывала пространство перед собой. Как же здесь темно... Быстрее... Коридор, гардеробная, портьеры... Быстрее же! Нашла дверь, повернула ручку. Очутилась в просторной прихожей, потом в зале: солнечный свет бил сквозь кружево занавесок, освещая большой овальный стол, перевернутый вверх ногами, разбросанные по комнате венские стулья. Где спрятаться? Перебежала дальше: столовая, кухня, детская... Развороченная мебель, выпотрошенные сундуки, разбросанные вещи...

Снаружи что-то тяжело стукнуло, раздался треск – ломали замок. Майя метнулась обратно в зал. Вход в него шел через две высокие, наполовину стеклянные двери. Плотные занавески закрывали стекло. Двери были распахнуты настежь, специальные бархатные ленты, накинутые на крючки в стене, удерживали их открытыми. Майя встала за одну из дверей, прижала к груди винтовку. Если не догадаются заглянуть за створку – ее не найдут. Если...

– Haben Sie hier geguckt? – тот самый начальственный голос. Noch nicht, Herr Oberleutnant, – второй голос, совсем молодой. Schauen Sie Mal hier überall, – кто-то прошел к окну, видимо, хозяин решительного голоса. Поднял с пола стул, с грохотом поставил его и сел. Стул жалобно заскрипел. Тяжелый, килограммов девяносто, решила Майя. Такого одной не вытащить. Раздался короткий щелчок (зажигалка!). Майя почувствовала запах табачного дыма – офицер закурил.

Второй шагал по квартире, громко расшвыривая вещи и заглядывая во все углы. Подошли еще люди. Немцы переговаривались, смеялись. Скоро Майя услышала звук льющейся воды. По сопровождавшему хохоту поняла, что солдаты мочатся на стены квартиры. Вспомнила, что не ходила в туалет все утро, – сразу захотелось самой. Scheißbeutel! – сердито заорал офицер. – Aufhören! Солдатский хохот мгновенно стих. Офицер покричал еще немного, потом раздал приказания. Несколько солдат убежали, оставшиеся начали переворачивать и ставить на ноги стол и стулья, двигать мебель. Что они собираются делать?..

Она старалась не дышать. Какое счастье, что поставила Маузер на пол, а не повесила на плечо! Видимо, стоять ей здесь еще долго... Немцы – их было в комнате четверо или пятеро – продолжали к чему-то готовиться. По щелканью затворов Майя поняла – к бою.

– Noch zwei Minuten, – сказал начальственный голос, и остальные притихли. – Eine Minute. Наступила такая тишина, что Майя боялась чересчур громким вздохом или шорохом одежды выдать себя.

– Dreißig Sekunden... Jetzt, – голос сказал это спокойно и уверенно. Мгновение спустя раздался взрыв – близко, но не в самом доме, поняла Майя по слабому вздрагиванию пола и стен.

– Was für ein Tag ist heute? – тихо спросил один немец.

– Sonntag, – так же тихо ответил второй.

Перестрелка началась мгновенно, как ливень в августе. Майе показалось, что начали стрелять везде: на улице, в соседних квартирах, в комнате – в один миг все наполнилось треском и грохотом, вскриками людей, шипящим немецким матом. Немцы в комнате стреляли много, почти беспрестанно. Лязгало железо, щелкали затворы, железным дождем лились на пол гильзы. От запаха дыма и пороха щипало глаза. Грохотало так долго, что заболели виски.

Если пуля попадет в дверь – она прошьет ее насквозь и убьет меня? Или застрянет в дереве? А если попадет в стеклянную часть?..

Майя заметила, что в комнате стреляет уже только один автомат – он стрекотал упорнее остальных, но в конце тоже захлебнулся – стало тихо. Где-то в доме еще шла перестрелка. Подождала несколько минут, потом выглянула из укрытия. Так и есть: четыре мертвых фрица валялись у окон. Пятый – офицер – посередине комнаты. Шагнула из-за двери. Присела на стоящий в центре комнаты стул, стараясь не смотреть на лежащего рядом офицера. Поставила винтовку на пол, оперлась о нее лбом. Посидела.

Взять автомат? Вон их сколько валяется... Нет, эта винтовка уже стала близкой, столько всего пережили вместе за утро. Может, это счастливый талисман? Пойду дальше с ней.

Одиночные выстрелы все еще звучали на лестничной клетке. Вдруг

входная дверь ухнула под чьим-то сапогом, и Майя услышала, как несколько человек ворвались в квартиру. Дура! Дура! Выскочила раньше времени! Назад! Но спрятаться за дверь Майя уже не успевала – с той стороны приближались торопливые шаги.

Подхватив Маузер, порхнула в соседнюю комнату. Счастье, что комнат много и они переходят одна в другую – нанизаны, как бусины на нитку. Под стол! Залезла, за-мерла под длинной, почти в пол, скатертью. Расслышала обрывки слов – вновь немцы! Чтоб их...

В квартиру вбежали еще люди. Жахнули выстрелы: несколько винтовок и пистолетов, стреляют почти в упор, кто-то со стуком валится на пол. Майя распласталась на полу, вжала нос в круглую деревянную ножку стола. Ножка была толстая, гораздо толще двери. Если пуля попадет в нее – прошьет наскво...?

Несколько человек – уже в комнате. Из-под бахромы скатерти она разглядела три пары ног. Отстреливаются.

Столешница вздрогнула, словно гвоздь забили, – пуля. Какая странная мысль: я никогда не красила губы маминой красной помадой. Столько раз хотела попробовать – и не красила... Столешница вздрогнула еще раз – вторая пуля.

Вдруг – Oh, Schande! – чье-то грузное тело валится к подножью стола с коротким вскриком. Его лицо оказывается совсем рядом, толстые, до синевы отбитые щеки колышутся студнем. Глаза немца открыты, но он Майю уже не видит.

Двое продолжают отстреливаться. У одного кончаются патроны, он швыряет пистолет в сторону и бросается к телу мертвого товарища. Майя слышит, вскакивает на четвереньки в своем укрытии. Немец падает на колени у трупа, вырывает из податливых рук мертвеца Вальтер. Краем глаза замечает движение под столом. Нагибается, приподнимает край скатерти только что добытым Вальтером. Встречается глазами с Майей – она видит блестящие желто-коричневые глаза с крупными черными горошинами зрачков. Вот горошины сжимаются, глаза немца превращаются в тигриные, – он жмет на спуск. Сухой щелчок – осечка. Передергивает затвор. Майя чувствует в ладонях холод винтовки – вот для чего она таскала ее с собой весь день! Но поднять оружие и прицелиться уже не успеть. Глупо как все получилось...

Вдруг немец вздрагивает всем телом – что-то толкает его в спину (пуля!) – и падает лицом вперед. В падении успевает перевернуться и приземляется на спину, делает еще несколько выстрелов. Потом затихает. Майя этого уже не видит – подхватив Маузер, она на четвереньках выскакивает из-под стола и мчится в следующую комнату. Та оказывается последней бусиной – выхода отсюда нет. Только на балкон.

Майя выскакивает на балкон. Прижимается спиной к стене, лицом смотрит на улицу. Балконная дверца остается не затворенной – не успела прикрыть. Догадается ли последний немец, что она здесь? Или ее раньше с улицы возьмут на мушку? Солнце бьет в глаза – не разглядеть, что там творится, внизу.

Слышит, как он входит в комнату. Шагает мягко, легко – крадется, сволочь! Делает пару шагов, останавливается. К балкону не подходит. Видит же, что дверь открыта – играет с ней? Взял на прицел и ждет, пока у нее сдадут нервы? Сука!

Убью.

Майя плавно открывает затвор: патроны в обойме есть! Бесшумно закрывает. Отрывает спину от стены и толкает дверь балкона стволом, та бесшумно распаивается. Солнечный свет заливает пространство, длинная Майина тень с ружьем наперевес ложится поперек комнаты. Майя видит немца.

На слегка согнутых ногах он стоит боком к ней посередине зала – невысокая худая фигура в коричневом. В напряженно вытянутой руке – черный Люгер. Майя стреляет – приклад больно ударяет в плечо. Удар пули разворачивает немца, как жестяную фигурку в тире. Люгер летит в сторону и ударяется о стену. Раненый сильно выворачивает шею, находит глазами Майю и начинает медленно оседать на дрожащих коленях.

Мамочка, да он же совсем ребенок!.. На Майю смотрят огромные, полные ужаса серые глаза в дрожащих ресницах, зрачки – как монетки. Лицо – белое, ноздри еще белее. Подбородок трясется, уголки рта развело в стороны от напряжения, будто их растянули на нитках. Дышит часто и мелко, как убежавшийся щенок, – только сквозь зубы. Большая пилотка с блестящим серебристым черепом сползла на затылок. Одно ухо торчит чуть больше второго. Из-под коротких шорт – длинные голенастые ноги.

Мальчик валится на пол, подвернув под себя лодыжки, лицом вверх. Становится совсем тихо. На груди справа – темное пятно: влажное, сочится, расплзается. Сильное ранение. С таким – сразу на операционный стол...

Что же дальше? Майя стоит перед ним, высокая, большая, с винтовкой наперевес. В затылок нещадно палит солнце. Она делает шаг к нему. Видит его лицо: жив – глаза открыты, смотрят в потолок, губы что-то шепчут беззвучно. Сколько ему – двенадцать? тринадцать?

Как же я так – не разглядела?.. А если бы и разглядела – что, разве не выстрелила? Конечно, выстрелила бы. Или он в меня. А что теперь – добить? Вот так, сверху вниз, глядя в лицо? Холодная струйка течет по позвоночнику.

Майя чувствует, что пальцы ноют от боли – они так долго и крепко сжимали винтовку, что застыли, намертво. Видит, как побелели костяшки на пальцах мальчика – он скреб пол ногтями. Эх ты, салага зеленая...

И все-таки – неужели добить?.. Делает еще шаг к нему, не опуская винтовку. Он скашивает глаза – увидел Майю. Красивые глаза, в длинных ресницах – как подведенные. Брови – изогнуты. – *Du hast die Haare, wie Mama*, – шепчет.

Майя опускает оружие. Нет, не могу.

Никто не узнает, что она оставила его живым. Может, его даже подберут свои. Майя, продолжая глядеть на мальчика, пробирается вдоль стенки к выходу. Он провожает ее глазами. Лицо свежее, кожа нежная – наверняка еще не брился ни разу. Шея тонкая, кадык не прорисован. Волосы – как сосновая стружка. Подумалось – до чего же похожи на мои...

– *Hilf mir*, – произносит он еле слышно, когда она уже у самой двери. Просит о помощи?

Майя выходит из комнаты, прислоняется спиной к дверному косяку. Может, ему хотя бы четырнадцать?

Внизу опять начали стрелять. Надо скорее убираться отсюда. Прямо сейчас. Немедленно – беги вниз, если хочешь остаться живой...

Она возвращается в комнату, опускается на колени рядом с мальчиком, торопливо накладывает белую перевязку через грудь,

закидывает его руку себе за плечи: за шею меня держи – крепче! Упирается ногами, разгибает колени, встает, придерживая ослабевшее чужое тело, – обхватив ее одной рукой за шею, мальчик висит на ее левом плече. На правом болтается Маузер. Легкий какой. Легче меня. Ну, вперед!

Шагает он плохо – ноги не держат. Ботинки – черной блестящей кожи, с толстой подошвой (не чета ее кирзачам!) – цепляются за половицы. Майя почти волочет мальчишку. Одна его рука – на Майе, вторая – прикрывает черное пятно, все шире расплзающееся на груди.

Добрались до следующей комнаты, протащились мимо недавно убитых. Вот синещекий толстяк, по-прежнему лежит у стола, а рядом – тот самый, с тигриными глазами, все еще сжимает в руке пистолет... Вот и те двери, за которыми она пряталась. Дверцы – в дырах от пуль. Стекла – разбиты вдребезги. Дальше – темнота коридора. Работай ногами, пацан, не раскисай.

Его кожа пахнет пороховым дымом, а еще еле слышно – кофе с молоком. Майя хорошо помнит этот запах – им всегда в школе давали по средам. Он дышит все чаще. Выдыхает ей прямо в ухо: Romm. Ich heiÙe August Romm. Дурак, нашел время болтать!

Вот она – входная дверь. Хорошо, что выломана, – задвижку на ощупь искать не надо. Боком пробираемся, боком...

Теперь самое сложное: лестница. Здесь не спрячешься. Перебежками пойдём. Быстро спускаемся на четвертый этаж, там, у дверей, отдыхаем. Потом – на третий. И так – до низу. Понял? – Ich bin vierzehn, – продолжает он упорно дышать ей в ухо. Шепот сдавленный, почти хрип. Болтливый какой! Силы береги...

Спускаются по лестнице – быстрее, быстрее! Как бы не покатиться кубарем... Добрались до четвертого этажа, прислонились к стене – пара секунд на отдых. Мальчик дышит тяжело, постанывает. Майя зажимает ему рот ладонью: тихо у меня!

Перестрелка на улице нарастает. А если кто-то забежит в подъезд? Начнет подниматься по лестнице? Как угадать – наши или фрицы? Майя решила, что не будет ждать – просто заволочет мальчика в одну из квартир. Если найдет открытую дверь.

На третий этаж вниз – шагом марш! Работай граблями, шкет,

работай! Вот и старые Майины знакомые – четверо лежащих в обнимку трупов. Через них мальчик перешагнуть не смог, совсем осел на пол – пришлось перетаскивать, подхватив под мышки. Перетащила, но перехватить руки не сумела – так и поволокла его до третьего этажа спиной вперед. Его ботинки дробно застучали по ступеням. Шуму-то сколько!

Прислонились к дверям квартир. Мальчик стоит плохо, ноги подгибаются. Рука, которой он зажимает рану, стала густого красного цвета. Ну вот и твоя кровь у меня на сумке, пятнадцатый... Осталось полпути, пацан, держись!

– Ich hatte drei Brüder. Alle im Krieg gefallen, – выдыхает он, слов почти не разобрать. Вот болтун, горе какое! Силы береги, кому сказано!

До второго этажа спускались долго. На середине пролета стало ясно, что идти мальчик больше не может, и Майя взвалила его себе на спину. Давно надо было догадаться! Сколько времени потеряли!

Второй этаж. Терпи, пятнадцатый, почти пришли. Майя сажает его спиной к стене, поправляет на плече винтовку. Сейчас одолеем последний этаж – и...

– Sich zerstreu'n! – голоса и топот на первом этаже, совсем близко. – Die erste Gruppe – nach links! Die zweite – nach rechts!

Черт! Майя хватается за дверную ручку ближайшей двери – открыто! Оборачивается на мальчика. Тот сидит у стенки, перекосившись, как тряпичная кукла, и приложив обе ладони к груди. Смотрит на нее внимательно. Запоминает?

Топот внизу – нарастает. Немцев много. Это твои, слышишь? Скоро тебя найдут. Может, ты даже выживешь, если повезет. Майя моргает – он моргает в ответ.

Она ныряет в дверную щель, осторожно придерживая винтовку. Нужно уйти из этого дома. Не знаю, как, но непременно. Пробирается в комнаты. Окна в квартире смотрят на ту сторону улицы, которая занята нашими. Майя скользит вдоль окон, высматривая пожарную лестницу. В нормальных домах всегда бывают пожарные лестницы! Мимо оконных проемов проскакивает, согнувшись, – не хватало еще, чтобы ее подстрелили свои.

Второе окно, пятое, седьмое...

Я же говорила! Вот она – милая, милая! Майя вскакивает на подоконник и одним прыжком бросает тело вправо, где чернеют прутья ржавой лестницы, вцепляется в них пальцами. Лестница глухо стонет и дрожит, бьется о кирпичи стены. Майя перебирает ногами, ссыпается вниз по изъеденным ржой ступеням. Только бы ее не взяли на мушку свои! Винтовка бьет по лопаткам.

Очередная ступенька проламывается под ногой, еще и еще одна – и Майя летит на землю, обдирая ладони и локти о ржавое железо. Треск разорванной ткани – кусок гимнастерки остается на лестнице. Майя падает на спину, сильно ударяется затылком. Переворачивается на живот. Работает локтями и коленями – прочь от дома! Замечает, что Маузера на спине нет. Оборачивается: винтовка зацепилась за лестницу и висит на одной из отломанных ступенек, покачивается. Как маятник.

Жалко винтовку, сроднились уже с ней.

Ничего не поделаешь. Майя ползет дальше – скорей! От стены к палисаднику, от палисадника к деревьям, от деревьев – к далекому дому на противоположной стороне улицы, где лежит вверх обугленными колесами сгоревший автомобиль. Мостовая пахнет дымом. Желтые гильзы устилают ее, звякают друг о друга. На улице – ни души. Тихо. Где-то высоко – еле различимый гул самолетов.

Наверное, ее давно уже заметили, смотрят через прицелы винтовок: одной, двух, десяти. Ждут, пока подползет поближе. Товарищи, я своя, наша!

Гул самолетов приближается резко, неожиданно. А улица – не кончается. Только бы не фрицы! Она же здесь – как на ладони. Они ее сейчас срежут, как мишень на стрельбище, – аккуратно, в серединочку... Дом на противоположной стороне – ближе, ближе. Успела?

Самолеты ревут над самым затылком.

– Ты что там делаешь?! – из-за перевернутого автомобиля возникает перекошенное лицо какого-то незнакомого капитана в съехавшей на затылок фуражке, глаза – вытаращены. – Сюда, мать твою!

Он рывком протягивает ей руки, Майя ничего не понимает, но

прыгает на них, вцепляется. Руки затаскивают ее за автомобиль, Майя больно грохается на землю. Сверху тотчас падает капитан, накрывает телом.

Приказа не слышала, что ли, дурища? – шипит ей прямо в ухо. – Они же сейчас всю эту улицу к едреной...

Договорить не успевает. С неба несется громкий протяжный вой, приближается и обрушивается на них, накрывает грохотом, как одеялом. Земля вздрагивает и толкает Майю в грудь, в ребра, в живот. Потом еще раз. И еще. Много раз.

Бомбардировка заканчивается внезапно. В резко наступившей тишине отчетливо слышен гул улетающих самолетов. Земля перестает толкать Майю. Она выползает из-под капитана, с волос сыплются камни и мусор. Садится на землю, смотрит назад, на дома.

А домов на улице нет. Ни одного из двенадцати. Огромная стена пыли и дыма поднимается в небо. Сквозь нее еле видны остатки стен – в оконных дырах, словно кружевные. Затем пыль начинает медленно оседать на землю. Вместе с пылью сверху падает всякий хлам: перья из подушек, обрывки газет, клочки бумаги, тряпки, щепки...

– Говорил же – к едреной фене! – Капитан откашливается, поднимаясь и отряхиваясь, потом улыбается далекому гулу, победно трясет в небо сжатым кулаком.

Майя продолжает сидеть на земле. Ей кажется, что сквозь дым и пыль по-прежнему видна та самая стена, та самая лестница, та самая ступенька, на которой качается тяжелым неустанным маятником оставленная ею винтовка.

Об авторе: ГУЗЕЛЬ ЯХИНА

Родилась в Казани, живет в Москве. Окончила Казанский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков, и сценарный факультет Московской школы кино.

Публиковалась в журналах «Нева», «Сибирские огни». Автор

романа «Зулейха открывает глаза», удостоенного премий «Большая Книга» и «Ясная Поляна». Некаўалар